

СТАРИК

Книга эта родилась из руин, из пепла.

«...В городе не было нигде ни единого огня, ни одной живой души. Все было немо и просторно, спокойно и печально — печалью русской степной ночи, спящего степного города. Одни сады чуть слышно, осторожно трепетали листвой от ровного тока слабого июльского ветра, который тянул откуда-то с полей, ласково дул на меня. Я шел — большой месяц тоже шел, катясь и сквозя в черноте ветвей зеркальным кругом...»

В рассказе, написанном до войны, он вызывает прирак Ельца своей юности и мысленно проходит его провинциальными пыльными улицами, жадно перебирая оживающие подробности — древний мост через Сосну, запах яблоч на августовском базаре, зеленую звезду над кладбищенской рощей.

Если бы вот так же, по его примеру, пройти мощеной улочкой другого спящего провинциального городка, в ином времени и ином пространстве, забыв на минуту об оккупации, о комендантском часе, подняться по Наполеоновой дороге, круто забирающей вверх в гору, скользнуть в калитку, прячущуюся в тени серого каменистого склона, постоять, всматриваясь во мрак, можно было бы различить темный силуэт дома на фоне неба, одинокий свет настольной лампы в окне первого этажа. За столом сидит старик, уставясь в пространство. Перед ним раскрытая тетрадь и пепельница, полная окурков. О чем он думает, что записывает в тетради русской кириллицей с ятями и твердыми знаками?

«...Час ночи. Встал из-за стола — осталось дописать несколько строк «Чистого понедельника». Погасил свет, открыл окно проветрить комнату — ни малейшего движения воздуха, полнолуние, ночь неяркая, вся долина в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесте молодой древесной зелени, коегде щелканье первых соловьев. Господи, продли мои силы для моей одинокой бедной жизни в этой красоте и в работе!..»

Всю эту дивную картину он замечает, лишь когда поднимается размять ноги. В душе его пейзаж совсем иной, жуткий. Пол-Европы лежит в развалинах, войне не видно конца. Ему уже доводилось переживать обвальное крушение — революцию, гражданскую войну, бегство. Тогда ему было пятьдесят. Теперь — за семьдесят. «Прежней Франции, которую я знал 20 лет свободной, богатой, с палатой, с президентом республикой, уже нет. И немцы — хозяева в Париже!» Мир погибает в безумии окончательно и безвозвратно.

На востоке земля содрогается под танками Гудериана. Вслед за прежней Россией, «погибшей... в такой волшебной краткой срок», погибает и другая, ненасившая, совдеповская, но — Россия. Нападение приводит его в замешательство, оживаят вдруг потерянные были надежды на крах большевиков, на возвращение домой. Но над своими чувствами он не властен. «...Взял Киев. Взято то, взято другое... Что дальше? Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить!» Газеты и радио рвут сердце. «Русские взяли назад Ефремов, Ливны и еще что-

Все цитаты даются по изданию «Устами Бунинных» под ред. М.Грин. «Посев», 1982 г.

то. В Ефремове были немцы! И какой теперь этот Ефремов, где был дом брата Евгения, где похоронен и он, и Настя, и наша мать!»

Все, что составляло его жизнь, что было ее прелестью и смыслом — красота, любовь, Россия, литература, — ничего этого больше нет, все ушло, исчезло, погибло. И природа, малейшие оттенки и движения которой он так по-звериному чувствует, тем острее ранит его, напоминая о предстоящем последнем расставании. «...Прекрасный день и прекрасные облака над горами за Ниццей — вечные... Скоро, скоро и меня не будет, а они все будут...»

Книга рождается из тьмы, из катастрофы.

КАТАСТРОФА

Удар застал его на вершине литературной и жизненной судьбы, на самом взлете. В декабре 1933 года в Стокгольме шведский король вручил ему Нобелевскую премию, а через несколько меся-

каляется. Марга была известная лесбиянка. Кузнецова врет с Буниным и уезжает в Германию с Маргой. На том кончается роман, длившийся десять лет. Она еще не раз появится в этом доме, проживет под его крышей три военных года, но — вместе с Маргой.

Зачем, скажите, Наталья Николаевна идет танцевать с этим ничтожным французшкой в мундире кавалергарда? И отчего при одном взгляде на Льва Николаевича ясно, что такому человеку облака над горами за Ниццей ничем не стесненная свобода, и одна только Софья Андреевна не в состоянии это уразуметь? Но тем, кого классики любили, жить приходилось не на страницах учебника литературы, а живьем, с листа. Они не знают, с каким счетом закончилась игра.

Галина Николаевна Кузнецова была не только хороша собой, но и талантлива. Она писала недурные стихи, заметные в волне эмигрантской поэзии второго поколения. Она напечатала несколько книг прозы, а ее «Грасский дневник» содержит прямые свидетель-

ства о личности Бунина и его взглядах на писательское ремесло. Без этой книги не может обойтись ни один исследователь. Судя по тому, как Кузнецова распорядилась своим архивом, она трезво отдавала себе отчет в том, какое место в истории русской литературы ей предстоит занимать. По-видимому, это была неглупая и достойная женщина с довольно сильным характером.

Остается добавить, что Кузнецова и Степун прожили вместе до конца своих дней и умерли в своей мюнхенской квартире, ненадолго пережив одна другую.

Не будь Анна Петровна Керн несколько ветренна, не видать бы нам такой жемчужины, как «Я помню чудное мгновенье...».

Если бы Галина Кузнецова распорядилась своей жизнью иначе, мы бы лишились лучшей русской книги о любви.

Шведия, - 1995. - 21 окт. - с 5.

Последняя книга

23 октября — 125 лет со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина

цев женщина, которую он любил, оставила его.

Его первые фотографии в эмиграции поражают происшедшей с ним переменой. Куда девалась почти женственная мягкость его черт? Выступил костяк, лицо словно потемнело, взгляд колючий, болезненный. Революция оказалась никомудышным зодчим, но непревзойденным скульптором.

В первый же день по приезду в Париж он уже сидел в ресторане в привычном окружении — за столом были Тэффи, Алексей Толстой, Ларионов с Гончаровой. После страшной Одессы военного коммунизма можно было вымыться горячей водой, выпить хорошего вина, прогуляться по бульварам. И писать, как когда-то — не оглядываясь на дверь, забыв о чрезвычайке. Уже на следующий год у него выходят две книги в Париже, одна в Берлине, еще одна в Праге. На свободе, после нескольких лет немоты он обретает новое дыхание. Так он еще не писал. В 1924 году он пишет «Митину любовь», которая принесет ему европейскую известность.

Достоверно известно, что в том же году он знакомится с Галиной Кузнецовой, одним из молодых дарований эмигрантской литературной среды. Ей шел двадцать первый год, ему — пятьдесят четвертый. Начался роман и вскоре зашел так далеко, что в 27-м году Кузнецова поселилась в квартире Бунинных. Что он сказал жене, как удалось убедить ее в необходимости такой крутой перемены жизни, что пережила Вера Николаевна — один Бог ведает. С той поры они живут втроем, окруженные горячим туманом сплетен. Так втроем они появляются и на нобелевской церемонии — «это госпожа Бунина, супруга лауреата, а это госпожа Кузнецова, писательница». А летом в Грассе у Буниных гостит приятельница Кузнецовой — Марга Степун, певица, сестра философа. Атмосфера в доме быстро на-

стал решительно избавляться от моральных схем в построении сюжета. Чувственность в его изображении не связана ни с социальным разоблачением, как у левых, ни с доморощенным демонизмом, как у декадентов. Жизнь пола занимает его сама по себе, как природная стихия, владеющая человеком, которой одинаково подвержены его крестьянки, дворянки, мешанки. Откровенностью в ту пору трудно было удивить — после цензурных послаблений пятого года порнография захлестнула прилавки, Арцыбашев потеснил Толстого. Российская критика с ее унылым разделением космоса на свет и тьму, на прогрессивное и реакционное, терялась, не могла понять, куда гнет автор. Молодая в «Деревне», Оля Мещерская в «Легком дыхании», Парашка в «При дороге», Любка в «Игнате», Катя в «Митиной любви», героиня «Солнечного удара» — от этих женщин исходит зов плоти, но их манящее очарование, живая женская прелесть хотя и связана с физиологией, но сама — какой-то иной природы, словно жизнь пола в них — лишь отражение высшей таинственной жизни, высшего замысла, который нам не дано понять, но мы чувствуем. С Буниным в русскую литературу входит эротика на уровне высокого словесного искусства.

В мире, им созданном, красота, любовь и поэзия слиты в триединство, в трицу, в центре которой — женщина. Она сама — воплощение красоты Божьего мира, свидетельство высшего начала в природе человека. В любви дается возможность соприкоснуться с этим началом. Страсть расширяет личность, выводит ее в иное измерение, за пределы обыденности, и тому, кто любит, открывается все богатство и поэзия жизни. Женщина есть великая тайна, как сама жизнь. Так смотрели на мир романтики за столетие до него. Так, совсем по-бу-

ЕВА

нишки, выразит это с чеканной простотой Пастернак: «...И прелести твоей секрет Разгадке жизни равносильен...»

ИЗ ТЬМЫ

«...Слушал радио, провансальская музыка и пение, девушки. И опять — как скоро пройдет их молодость, начнется увядание, болезни, потом старость, смерть... До чего несчастны люди! И никто еще до сих пор не написал этого как следует!»

Он пишет. В октябре 38-го мелькнул проблеск, он написал четыре рассказа. В них есть некое обещание, музыкальное единство. Зазвучала тема, родилось название, но тут в мире запахло порохом. Вскоре катастрофа разразилась.

Франция оккупирована. Польшу поделили. Исчезли три балтийских государства. Советы напали на Финляндию. Когда отчаяние дошло до дна, в марте 40-го он открыл тетрадь. Через месяц отметил в дневнике: «стал присаживаться к письменному столу».

Осенью его словно прорывает — 12 рассказов за полтора месяца, вся будущая вторая часть, кроме «Натали». Дар вернулся, у него выросли крылья. Шедверы случаются один за другим — 22 октября закончена «Таня», 23-го — дома скромно празднуется его семидесятилетие (бутылку хорошего вина подарила Марга), утром 24-го он уже пишет «В Париже».

Временами он сидит до глубокой ночи, запершись в кабинете, пока голод не заставит выйти похлебать «тошнотворного супу из белой репы». Работая, он по-прежнему много курит и позволяет себе выпить коньяку или «самодельной водки», то есть попросту самогону, который сам же и гонит, а, выпив, клянет себя в дневнике за то, что не удержался.

Потом наступает провал на месяцы, на годы. Война приходит в Россию, он молчит больше двух лет. Весной 44-го следует новый взлет — 11 рассказов в два месяца, один за другим. 3 мая закончена «Холодная осень», 12-го — «Чистый понедельник», 16-го — «Пароход «Саратов», 18-го — «Ворон». Это третья последняя часть книги, прибавятся к ней три послевоенных рассказа.

Силы тают. Все мучительней становится одолеть крутой подъем к дому. Такси исчезли, в автобусе толкучка, приходится стоять всю дорогу или присаживаться на железную ступеньку. «Так холодно в комнате, как лежа читал в меховой перчатках». Угнетает неотвязная мысль о еде, он худеет и с детской жалостью к себе отмечает в дневнике потерю в весе.

Хворает жена, он замечает бессильно: «Как горько трогательно, тиха, одинока, слаба Вера!»

Ему кажется, что жизнь посмеялась над ним. От нобелевских денег остались крохи, а он даже квартиры не удосужился купить, приходится нанимать, и теперь уже ясно, что до конца дней. Он содержит шестерых, пятерых,

троих, у него живут годами, а, когда объявляют о депортации евреев, он прячет у себя знакомых. В доме полно народу, а ему кажется, что никогда не был он так одинок, один — наедине со смертью. «Как-то ночью, уже в постели, с книгой, в мертвой тишине дома вдруг точно очнулся с ужасом: какое одиночество! И это последние дни и ночи жизни!»

В такой обстановке пишутся «Темные аллеи». Старость, одиночество, безысходность.

Но ничего этого нет в книге.

«ЛЮБОВЬ, ЧТО ДВИЖЕТ СОЛНЦЕ И СВЕТИЛА»

Где и когда происходит действие?

В России до революции. Оба понятия канули в небытие, все равно как Египет фараонов, и чтобы вызвать у читателя живое конкретное ощущение того и другого, страны и эпохи, Бунин прибегает к пространственному и временному построению, единст-

венным в своем роде. Место действия, как правило, русская провинция — деревня, уездный город, дача, но и Москва, Петербург, Одесса, Кавказ. Ни в одной из его книг не было такого количества топонимических названий — упоминаются 28 городов, 20 губерний, Задонщина, Кубань, Сибирь, Волга и волжские пристани, Владивосток — прямо учебник российской географии. И тут же рядом — Париж, Вена, Венеция, Индийский океан, Иудея, Испания. В сознании читателя восстанавливается неразрывная связь России с остальным миром, нарушенная революцией, и тем сильнее чувствуется ее, России, неповторимое своеобразие.

Предреволюционная эпоха показывается с разных временных точек — то изнутри нее, то с эмигрантского отдаления. Начавшись девятью годами, повествование держится большей частью у рубежа семнадцатого года, то вдруг погружаясь в екатерининское царствование, то во времена Николая Павловича, то резко приближаясь Парижем тридцатых, воссоздавая единство и непрерывность российского исторического пространства. Возникает объемный стереоскопический образ «серебряного» века, прошедший множеством культурных, религиозных и исторических ассоциаций и упоминаний.

По «Чистому понедельнику» можно с успехом изучать церковную топографию и литературно-художественную жизнь Москвы накануне революции. Относясь к православию, скорее, равнодушно, в эмиграции Бунин остро чувствовал его материнскую связь с русской культурой. На небольшом пространстве рассказа упоминаются храм Христа Спасителя, Иверская часовня, Василий Блаженный, Спас-на-Бору, Новодевичий монастырь, Рогожское раскольничье кладбище, Марфо-Мариинская обитель, Чудов мона-

стырь, Архангельский собор, с ними соседствуют «Лунная соната», Толстой, Пьер Безухов, Платон Каратаев, Гофмансталь, Шницлер, Тетмайер, Пшибышевский, Художественный кружок, Андрей Белый, «Огненный ангел», Брюсова, Шалаягин, марш из «Аиды», Лаврентьевская летопись, «Сказание о Петре и Февронии», молитва Ефрема Сирина, Пересвет и Ослябя, Эртель, Чехов, Грибоедов, Художественный театр, Станиславский, Москвин, Качалов, Сулержицкий.

Тридцать восемь рассказов — в каждом женщина, иногда две, три. Бесконечное разнообразие женских лиц, социальных типов, характеров любовных отношений, пейзажа, ритмики подчеркивает единство замысла. Любовь — по преимуществу мужская любовь к женщине — разворачивается как всеобъемлющая тема книги и жизни, как единственная существенность в человеческой судьбе. Как-то даже не по себе от мысли, что «Чистый понедельник» написан в семьдесят четыре года. А «Натали» — с обморочным эротическим напряжением юного героя, разрывающегося между ласками одной и небесной страстью к другой, с тем единственным ощущением восторга и рокового безысходности, которую приносит первая в жизни любовь, — написана в семьдесят. Что-то дьявольское, колдовское в этой неубывающей силе и свежести любовного чувства, запечатленного необыкновенным по скрытой в нем энергии, по музыкальности русским языком.

Драматизм любви пронизывает книгу. Критики много писали о ее мрачности, о демонической связи любви и смерти. На ее страницах — четыре смерти, три убийства из ревности, четыре самоубийства и на каждом шагу измены, обманы, разрывы. Однако любовь, несущая смерть, — это образ декадентской поэтики, Бунину чуждой. «Разве бывает несчастная любовь? — говорит Натали. — Разве самая скорбная в мире музыка не дает счастья?» Ей вторит доктор в «Речном трактире»: «Не все ли равно, чем и как счастлив человек! Последствия? Да ведь все равно они всегда существуют, ото всего остаются в душе жестокие следы...» Катастрофична сама жизнь, а не любовь, не любовь приносит смерть, а ее обрыв. Жизнь есть любовь — и ничего более, живешь пока любишь, конец любви — конец жизни.

Вся книга — вызов. Вызов судьбе, истории, русской литературной традиции, в которой торжествовала гоголевская «натуральная школа». Наперекор вкусу публики и критики, наперекор социальным реалистам и декадентам последняя книга Бунина упрямо возвращает литературу к пушкинскому истоку, утверждая красоту, любовь и поэзию как высшие самодовлеющие ценности искусства и жизни.

Назло революциям, как град Китеж со дна Светлояра, встает с его страниц Россия — не похабная торьма народов, какой ее видели большевики, не благодатное царство православия, какой она мерещится монархистам и патриотам, а неповторимое, причудливое соединение азиатской дикости с изощренной европейской культурой, мощи пространства и хрупкости человеческой судьбы, богатства, роскоши и неутолимой тяги ввысь к Божьей правде — живая Россия, которую он вызвал из небытия волшебной силой творческого духа.

На что он рассчитывал? Для кого писал?

Но оказался прав.